

Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

5 Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 15 дек. 1998 г. № 219-3 : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г. : с изм. и доп. от 27 мая 2021 г. № 113-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

6 Screenshot как доказательство в деле [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ilex.by/news/screenshot-kak-dokazatelstvo-v-dele/>. – Дата доступа: 15.11.2022.

Т.Р. Ковачевич
ПФУБ (Белград)

ТЕНДЕНЦИЯ ДЕРЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ СЕРБИИ

Идея дерегулирования укоренилась, когда на сцену вышла реставрация капитализма, ведущая к переходу от одного общественного строя к другому. Переходный процесс начался с крушением социалистической системы правления в странах Восточной и Юго-Восточной Европы и Советского Союза. Это социальный процесс, который начался и продолжается в ряде стран в результате противостояния времен холодной войны. Более того, считается, что этот конфликт создал условия для построения демократического порядка в тогдашних социалистических странах.

По некоторым мнениям, Сербия опоздала к изменениям в хозяйственном строе, что прямо отражалось в ее законодательстве в сфере трудовых отношений [1, с. 9]. С другой стороны, распад Союза Советских Социалистических Республик, Чехословакии и Социалистической Федеративной Республики Югославии создал условия для распространения американской мысли в форме новой политики Вашингтонского соглашения [2, с. 220].

В основе Вашингтонского соглашения лежит либерализация экономических потоков, которая направлена на минимизацию роли государства. Доктрина „Laissez-faire“ отрицает защитную функцию государства в обеспечении гарантированного дохода в случае потери или смены работы. Вместо этого участники рынка самостоятельно обеспечивают экономическую и социальную безопасность, а роль рынка сводится к тому, чтобы связать предлагающих работу и ищущих работу. Согласно этой идее, саморегулирующийся рынок пригоден для устранения рыночных неравномерностей и установления равновесия путем создания оптимальной цены факторов производства [3].

Это снижает положительное влияние трудового законодательства и трудового права на установление баланса между интересами и правами субъектов трудовых отношений. Это приводит к нарушению общего

социального баланса между рынком труда и другими существующими рынками. Гипотеза о том, что рынок только поглощает недостатки, не подтвердилась как верная, поэтому можно говорить лишь о широко распространенной вере в свободную торговлю как в лучшее решение для всех.

Отсюда необходимость в том, чтобы некоторые хорошие специалисты по экономике назвали эту теорию религией рыночного фундаментализма, поскольку для истинно верующих доказательство существования Бога не нужно. Хотя это может быть приемлемо в экономике, оно неприменимо к юриспруденции, основанной на предположениях, истинность которых определяется дедуктивно. Хотя на первый взгляд может показаться, что это хорошо описывает положение дел в этом вопросе, сравнение религии с чем-либо «от мира сего» неправомерно и его следует избегать. Если даже придерживаться этого названия и углубиться в тему, то мы увидим пропасть между религией рыночного фундаментализма и религией, поскольку либеральная идеология в наибольшей степени опирается на воображение. Это не влияет на точность допущений религии рыночного фундаментализма, но критикует ее абсурдное название, являющееся откровением Джозефа Стиглица, бывшего вице-президента Всемирного банка, который ушел в отставку с этой должности, чтобы иметь возможность публично критиковать политику этого учреждения [4].

В отличие от Соединенных Штатов Америки, пошедших по пути переопределения положения государства в экономической сфере, страны Европы шли по иному пути развития, что впервые отразилось в построении «европейской социальной модели». Установившаяся модель отличается от американской тем, что имеет двоякую цель, обеспечить, помимо экономического прогресса, эффективное выполнение принципов социальной справедливости, при том, что их невозможно достичь без трудового законодательства, которое попытается смягчить различия и повышать уровень рабочих и граждан.

Несмотря на протекционистское трудовое законодательство, европейские страны не избежали экономического кризиса и кризиса безработицы как двух точек одного поля, согласно центральному положению, которое труд занимает в мировой экономике. Европейские страны нашли причину такого развития событий в жестком трудовом законодательстве, которое ослабляет конкурентоспособность работодателей и поощряет теневую экономику. В изменяющихся экономических условиях это явление охарактеризовано немецким экономистом Гирше как болезнь жесткости европейской ткани. При этом «евросклероз» связан не только с высоким уровнем защиты работников и вновь создавшимися обстоятельствами на рынке труда, но и с достигнутым уровнем евроинтеграции [5].

Столкнувшись с многочисленными критическими замечаниями в адрес своей политики, Сообщество европейских государств продолжает расширяться и движется в направлении растворения «европейской социальной модели», уникальной даже не по форме, а по четко выделенным целям и ценностям. В связи с этим трансформация различных европейских социальных моделей в единую неолиберальную модель подрывает представления о социальной солидарности, социальной справедливости и сплоченности, которые строились

на основе этого оригинального экономического проекта, проникнутого логикой межрыночной конкуренции. Следовательно, институциональная структура Евросоюза действует в направлении принятия принципов неолиберализации, поскольку право европейских стран гармонизировано на основе конвергентных норм либеральной системы [6].

С самого начала переходного периода Сербия искала вдохновения для реформирования правового порядка в целом, включая трудовое право, в праве Европейского Союза. Это еще раз подтверждает утверждение о том, что свободный рынок и личная незащищенность распространяются на все страны мира. Вместо ограничительного прибегают к широкому использованию нестандартных форм работы, что полностью соответствует американской практике, а также современной политике европейских стран. Процесс интеграции сопровождается реформой сербского трудового законодательства, которое стремится во всем соответствовать установленным коммунитарным стандартам. Это привело к принятию в Сербии закона на переходе от 20 века к 21 веку, который интегрирует решения, присущие неолиберальной идеологии [7].

Именно в период «открытия» национальных экономик стран, находящихся на переходном этапе к глобальной конкуренции, подчеркивалась потребность в более гибком регулировании трудового законодательства, которое наделяло бы работодателей большими полномочиями в организации, стандартизации и управлении трудовой деятельностью работников. Работа. Содержательный и формально либеральный законодательный подход оказался крайне нецелесообразным, в связи с чем была изменена законодательная база. Однако характер этих изменений не означал отхода от идеи дерегулирования, а снижение затрат на рабочую силу продолжалось.

Это подтверждает превосходство работодателей не только по отношению к работникам, но и к государству, скрыто вытесняемому из сферы регулирования трудовых отношений. Лидирующее положение занимают транснациональные компании, получившие свое могущество за счет адаптации своего производства к дерегулированному и глобально интегрированному рынку труда. Следовательно, межфирменная конкуренция диктует необходимость внесения корпоративного элемента в существующий режим трудового права. Таким образом, снижение норм трудового законодательства становится мировой и отечественной тенденцией. В связи с этим европейская интеграция также рассматривается как часть процесса глобализации [8].

Список литературы

1 Печујлић М. Изазови транзиције – нови свет и постсоцијалистичка друштва / М. Печујлић. - Београд: Центар за публикације Правног факултета Универзитета. – 1997. - 213 с.

2 Бувач М. Основне карактеристике транзиције у (пост)социјалистичким земљама / М. Бувач – Сварог, 2019, №.18 – с. 216-228.

3 Беркинов. Б.Б. Институционална економика /Б.Б. Беркинов - Ташкент: Fan va texnologiya – 2018. - 254 с.

4 Stiglitz J. D. Moving beyond market fundamentalism to a more balanced economy // Annals of Public and Cooperative Economics. – 2009. – № 3. – P. 345-360.

5 Cazes S., Nesperova A. Labour Markets in Transition: Balancing Flexibility and Security in Central and Eastern Europe [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/44831977_Labour_Markets_in_Transition_Balancing_Flexibility_and_Security_in_Central_and_Eastern_Europe/. – Дата доступа: 12.11.2022.

6 Deakin S., Morris S. G. Labour law/ S. Deakin, G. S. Morris. – 4e. Oxford: Hart Publishing, 2005. – 1050 p.

7 Јашаревић С. Перспективе флексибилизације рада у Србији// Радно и социјално право. – 2012. - № 2 – 25-44.

8 Новаковић Г. Н. Глобализација и раднички штрајкови и протести против измена Закона о раду у Србији и региону (редакторы Урош Шуваковић, Оливера Марковић-Савић) « Глобализација и глокализација: међународни тематски зборник » Филозофски факултет Универзитета у Приштини, Српско социолошко друштво, Институт за политичке студије. – 2017. – С. 613-625.

Е.В. Корбут-Северин
БГУ (Минск)

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Насилие в семье – наиболее распространённое противоправное явление в сфере семейно-бытовых отношений. В этой связи возникает необходимость в формировании эффективного механизма с целью противодействия совершению правонарушений в данной сфере. Как представляется, максимально оперативной и действенной мерой реагирования на семейное насилие является административная ответственность. По мнению Крамника А.Н., административная ответственность — это правовое и государственно-принудительное воздействие, применяемое на основании норм административно-деликтного права. Административная ответственность является результатом совершенного административного правонарушения, реакцией государства на такого рода правонарушение [1].

Как показывает практика рассмотрения судами дел об административных правонарушениях, связанных с проявлениями насилия в быту, предусмотренных ч. 2 ст. 10.1 КоАП, примерно по 80% дел об административных правонарушениях применялся штраф. Санкция ч. 2 ст. 10.1 КоАП предусматривает наложение штрафа в размере до десяти базовых величин (от 0,1 базовой величины согласно п. 1 ч. 2 ст. 6.4 КоАП). Чаще всего штраф налагался на виновных лиц в пределах от двух до пяти базовых величин. При этом учитывались следующие